

Екатерина Сергеевна Шугрина: «Уверена, что государству нужно сильное местное самоуправление»

Интервью с главным редактором журнала
«Муниципальное имущество: экономика, право, управление»
доктором юридических наук, профессором Е.С. Шугриной

Источник: архив Е. С. Шугриной

— Екатерина Сергеевна, Вы являетесь членом Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления. Что это за орган и чем он занимается?

— Из самого названия следует, что Совет является совещательным органом при Президенте Российской Федерации, созданным для совершенствования государственной политики в области местного самоуправления. Когда меня первый раз включили в состав Совета в 2017 г., я сама себе задавала аналогичный вопрос. Если я правильно понимаю, то Совет по местному самоуправлению был создан в 1995 г. Тогда в него входили представители различных органов государственной власти и местного самоуправления. Не могу сказать, что я просмотрела все списки, но у меня сложилось впечатление, что ученых в составе Совета никогда не было, хотя были представители организаций, работающих в сфере местного самоуправления — Ассоциации сибирских и дальневосточных городов, городов Заполярья и ОМКО. Поэтому для меня это большая честь

и ответственность, что я — первый ученый, включенный в состав Совета. Стараюсь соответствовать, выполняя определенную экспертную работу.

Теперь пара слов о том, как работает Совет. Основной формой работы Совета являются его заседания, которые всегда очень тщательно готовятся и по результатам которых президент РФ подписывает перечень поручений; все поручения находятся на контроле. Так получилось, что меня еще в 2012 г. приглашали принимать участие в отдельных рабочих совещаниях по подготовке заседания Совета, посвященного государственному контролю за местным самоуправлением. Очень болезненная для муниципалов тема. После заседания Совета, которое состоялось в январе 2013 г., ситуация начала чуть смягчаться. Однако сейчас, похоже, все возвращается на круги своя.

Фактическая периодичность проведения заседаний Совета является разной. Например, в 2013 г. было сразу два заседания — в январе по вопросам контроля за местным самоуправлением и в мае по вопросам муниципальной службы. Потом был перерыв в несколько лет, и очередное заседание состоялось только в 2017 г. Оно было посвящено вопросам вовлечения граждан в местное самоуправление. Очень интересная тема, которая в последнее время получает новое содержательное наполнение. Следующее заседание состоялось в январе 2020 г. Оно было посвящено особенностям реализации национальных проектов на муниципальном уровне.

— В перечне поручений Президента РФ, утвержденном по результатам январского заседания Совета, говорится об основах государственной политики в сфере местного самоуправления. Что бы Вы хотели там видеть?

— Вы удивитесь, но в настоящее время сохраняют свое формальное действие Основные

положения государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации, принятые в 1999 г. И хотя текст этого документа мне в целом нравится, очевидна необходимость разработки нового системообразующего документа. Тем более что Основы государственной региональной политики были утверждены в 2017 г. Напрашивается не только актуализация, но и синхронизация документов.

О необходимости разработки концепции или стратегии развития местного самоуправления эксперты довольно активно говорят на протяжении нескольких лет. Наблюдая за реформами и контрреформами, которые проводятся начиная с 2014 г., задаешься вполне логичным вопросом: а что такое местное самоуправление для государства? Нужно ли оно ему в реальности? Очевидно, что в «Основах» должен быть дан ответ на этот вопрос, который является ключевым.

Законом о поправке к Конституции РФ предлагается ввести термин «публичная власть» в текст конституции.

Кстати, Конституционный Суд РФ еще в 1998 г. установил, что понятие «органы власти» само по себе не свидетельствует об их государственной природе, публичная власть может быть и муниципальной. В дальнейшем Суд довольно последовательно придерживался этой линии, в том числе распространяя позиции, вынесенные в отношении государственной власти на местное самоуправление.

Вместе с тем уж коли на конституционном уровне появляется термин «публичная власть» и организация публичной власти отнесена к исключительному федеральному ведению, то необходимо не просто раскрыть сам термин и перечислить уровни публичной власти, но и установить в определенном смысле единые правила, единые требования к органам государственной власти и органам местного самоуправления. Уверена, что это позволит поднять престиж работы в органах местного самоуправления, повысить социальную и иную защищенность муниципальных служащих и выборных должностных лиц. Например, в ряде субъектов РФ зарплата муниципальных служащих является ниже средней по региону и давно не индексировалась.

В системе публичной власти должны обеспечиваться: единство федеральных стандартов оказания государственных и муниципальных услуг; экономические основы для

оказания услуг в соответствии с разграничением предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов и местного самоуправления; единство гарантий деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также их ответственности. Целесообразно, например, предусмотреть должностные оклады и надбавки для лиц, замещающих государственные должности, кратные аналогичным показателям для лиц, замещающих муниципальные должности. Можно ставить вопрос о формировании единого кадрового резерва, единых стандартах подготовки и переподготовки и т.п. Уверена, что в предлагаемой конструкции публичной власти есть определенный положительный потенциал для местного самоуправления.

Несмотря на это, следует напомнить, что ст. 12 Конституции никто не отменял со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сказанное означает, что должен быть найден баланс между определенной организационной обособленностью местного самоуправления и вхождением его в единую систему публичной власти.

В этой связи не могу не отметить, что в последнее время наблюдаются существенные изменения в системе взаимоотношений между разными уровнями публичной власти. Я сейчас говорю не о поправках к Конституции, но о более серьезных и глубинных вещах. В настоящее время фактически сложились две рассинхронизированные модели управления. Первая модель основана на делении власти по вертикали, т.е. разграничении предметов ведения и полномочий между разными уровнями власти. Эта модель предусмотрена в Конституции РФ, действующем законодательстве и является в целом привычной и понятной. Вторая модель основана на принципах проектного управления (горизонтальное взаимодействие). Данная модель является новой, привнесенной в сферу публичного управления из бизнеса и активно применяется, например, в национальных проектах. В результате не очень понятно, что обладает более высокой юридической силой — решение проектного офиса или закон. Ситуация усугубляется тем, что в законе о поправке предусматриваются новые федеральные территории, что, возможно, приведет к возникновению новой, третьей модели управления. Очевидно, что эти, а возможно, и иные модели управления терри-

торией должны быть в том или ином виде обозначены в Основах государственной политики в сфере местного самоуправления.

Еще в этом документе, с моей точки зрения, необходимо обозначить, где находится баланс между управлением и самоуправлением. Вот, смотрите. Возьмем две крайности. С одной стороны, мы говорим об улучшении качества жизни. Если поставить на первое место интересы получателей услуг, которым важен результат, а не то, какой уровень власти за что отвечает, то получается один вывод. Но если же мы во главу угла поставим демократические ценности, одной из которых является и местное самоуправление, то и вывод получается уже чуть иным. Очевидно, что необходимо найти баланс. А это имеет большое количество последствий. На примере национального проекта «Жилье и городская среда» отчетливо видно, что вопросы благоустройства территории, которые всегда рассматривались как вопрос местного значения, плотно вошли в федеральную повестку. Налицо определенное перемешивание полномочий разных уровней публичной власти.

Одним из регулярно обсуждаемых вопросов являются муниципальные округа — новый вид муниципальных образований. В основах государственной политики необходимо обозначить территориальные пределы осуществления местного самоуправления и особенности управления отдельными территориями. В 1990-х годах было предусмотрено одноуровневое местное самоуправление; в 2000-х — двухуровневое. Сейчас фактически возможно одновременно и одноуровневое, и двухуровневое местное самоуправление. Участились случаи, когда фактически сельские территории получают юридический статус городских территорий и вынуждены жить по городским нормативам, не имея соответствующей инфраструктуры. Необходимо сформулировать принципы территориальной организации, критерии установления границ муниципальных образований, обеспечивающих баланс между жизнеспособностью самого муниципального образования и доступностью власти, а также соответствующих услуг. Очевидно, что Россия является слишком большой и разнообразной, необходимо наличие разных моделей территориальной организации местного самоуправления.

Я могу долго говорить на эту тему. Но хотела бы сказать, что в ближайшее время должен

выйти номер журнала «Местное право», где будет опубликована моя довольно большая статья, в которой я подробно излагаю свои пожелания к Основам государственной политики в сфере развития местного самоуправления. Надеюсь, что будут опубликованы не только мои «хотелки», но и пожелания коллег по экспертно-муниципальному сообществу.

— Вы упомянули муниципальные округа. Это новый вид муниципальных образований, который появился не так давно. Как Вы к ним относитесь?

— Муниципальные округа являются своеобразной формой ответа на появившуюся стараниями ряда регионов тенденцию преобразовывать муниципальные районы в городские округа. В этом смысле муниципальные округа выполняют определенную положительную функцию — фактически сельские территории и юридически остаются таковыми. Вместе с тем меня очень удивляет, когда к территориальным преобразованиям относятся как к какой-то кампанейщине, новомодной игрушке («у всех есть, и мне также надо»). На практике это означает, что принимаемое решение основано на политической или иной сиюминутной конъюнктуре, серьезных социально-экономических расчетов не проводится. Некоторые мои коллеги-эксперты уже начинают бить тревогу: появляются примеры того, что в результате подобных преобразований территории, имеющие статус моногорода, юридически исчезают. Возникает вопрос: как сохранить статус моногорода — ведь эти территории приложили много усилий, для того чтобы попасть в список моногородов, получить право использовать меры поддержки, предусмотренные для них?

Если я правильно понимаю, к настоящему времени около 10 субъектов РФ уже создали муниципальные округа. Наибольшее их количество в Пермском крае.

Ознакомление с имеющимся опытом преобразований муниципальных районов формирует у меня стойкое впечатление, что в одних случаях они действительно являются насущной необходимостью, в других — блажью. Иногда мне кажется, что в начале нулевых, после вступления в силу Федерального закона № 131-ФЗ нарезкой территорий муниципальный образований занимались довольно случайным, хаотичным образом. По прошествии времени выясняется, что принятые решения

были не всегда удачными. Ответил кто-то за это? Нет. Изменился ли подход к принятию решений о преобразовании муниципальных образований? Скорее, нет. Это тревожит.

Важно, чтобы была возможность выбора оптимального варианта территориальной организации местного самоуправления из разных имеющихся, а при принятии решений проводилась оценка регулирующего воздействия, просчитывались и учитывались разные их последствия. Я уже говорила и еще раз хочу это повторить: Россия — страна большая и разнообразная. Должна быть многовариантность.

— Екатерина Сергеевна, вы сказали, что государственный контроль за местным самоуправлением представляет для них большую проблему. Почему? В чем основная проблема?

— Мне иногда кажется, что если обращать внимание только на информацию, которая курсирует в публичном пространстве и касается государственного контроля за местным самоуправлением, то можно сделать вывод, что кроме муниципалов у государства нет других врагов. По средствам массовой информации идет только негативная информация о деятельности органов местного самоуправления. Но ведь это не так.

Как специалист в сфере местного самоуправления, я прекрасно знаю статистику, что на муниципальном уровне действительно большое количество нарушений. Можно привести массу обоснований того, почему именно на этом уровне выявляется огромное количество нарушений. Я могу привести разные аргументы, начиная от кадрового обеспечения органов местного самоуправления и заканчивая постоянно меняющимся законодательством и противоречивым правоприменением.

Но, с другой стороны, в отличие от тех, кто обращает внимание только на цифры, я читаю материалы дел, в которых рассматриваются нарушения муниципалов. И прекрасно вижу, что довольно много случаев, когда их просто делают крайними — фактически действует принцип: «Он же памятник, кто же его посадит?!». Иными словами, против губернатора боятся идти, а против мэра нет. Например, несколько лет назад я подбирала материалы судебной практики по переданным полномочиям. Так получилось, что я исследовала вопрос о предоставлении квартир детям-сиротам.

Это полномочие органов государственной власти субъектов, хотя операторами выступают органы местного самоуправления. Так что меня удивило. На сайтах прокуратур размещается информация о том, что прокурор защитил интересы конкретного ребенка, добился того, что органы местного самоуправления предоставили ему квартиру. Опять включается картинка, что муниципалы плохиши и нарушители. Но если прокуроры действительно стоят на страже законности, то они должны сделать следующий шаг и выступить в защиту местного бюджета, для того чтобы туда своевременно поступили денежные средства из регионального бюджета. А вот этот шаг, к сожалению, очень редко делается.

Мне известна масса решений, когда органы местного самоуправления добиваются подтверждения правильности своей позиции в апелляционной или кассационной инстанции, проиграв в первой. Муниципалы довольно активно обращаются в Конституционный Суд РФ. Кстати, в сфере полномочий органов местного самоуправления Конституционный суд часто встает на их сторону. Только о выигранных муниципалами делах мало кто знает и мало кто говорит, а у них самих сил и времени на эту работу нет. В этом году я завела специальную рубрику в журнале «Муниципальное имущество: экономика, право, управление», которая так и называется: «Муниципалы выигрывают в суде». Конечно, это капля в море. Но с чего-то надо же начинать.

Кстати, в последнем номере этого журнала за прошлый год есть моя статья, в которой я довольно подробно с цифрами и примерами судебных дел анализирую проблемы государственного контроля за местным самоуправлением. Дело в том, что в ряде регионов стали обращать на чисто математическую дилемму: количество денежных средств, необходимых для исполнения судебных решений, превышает размер местных бюджетов. Даже чисто арифметически задача не решается. Поэтому сейчас набирает популярность предложение использовать наработки, создаваемые в рамках реформы контрольно-надзорной деятельности, — применить риск-ориентированный подход к государственному контролю за местным самоуправлением. Уже даже губернаторы стали говорить, что судебные решения представляют угрозу не только для местных, но и в ряде случаев для региональных бюджетов. Думаю, что с учетом текущего кризиса ситуа-

ция только ухудшится, если своевременно не принять меры.

— А каким образом это можно было бы реализовать?

— Суть риск-ориентированного подхода в том, что эффективность контроля оценивается не количеством проведенных контрольных мероприятий, но размерами предотвращенного ущерба, защищенных ценностей. А это совершенно другая парадигма взаимоотношений контролера и контролируемого.

Ну, например, прокуратура требует от муниципалов наличия документов, регулирующих особенности муниципального контроля за особо охраняемыми природными территориями местного значения. А эти территории далеко не везде есть. Или регулирование лесного контроля там, где одни степи. Очевидно, что формально органы прокуратуры правы — в законодательстве не предусмотрена возможность учета особенностей территории и неосуществления муниципального контроля там, где нет объекта контроля. Риск-ориентированный подход позволит избежать подобных ситуаций.

Есть и другие возможности. Например, органы местного самоуправления регулярно высказывают пожелания, чтобы контрольно-надзорные органы участвовали в принятии совместных решений по устранению выявленных нарушений. На меня произвело сильно впечатление, когда в прошлом году по телевизору показывали сюжеты о том, как губернаторы готовились к госсовету. Им предлагалось побыть в роли исполнителей в определенных сферах — одни занимались укладкой асфальта, другие — оказанием первой медицинской помощи. Так и государственным контролерам время от времени полезно в игровой форме побыть мэром и попытаться исполнить все собственные вынесенные предписания.

Я со своими коллегами — учеными и практиками обсуждала возможные юридические механизмы защиты местных бюджетов от судебных решений, реализация которых требует средств, превышающих возможности местных бюджетов. Пока придумались конструкции, предусматривающие, например: обязанность судов устанавливать реальный разумный срок исполнения судебных решений, если его исполнение осуществляется за счет средств местного бюджета; проверку судом реалистичности/реализуемости решения; проверку

судом того, о реализации чьих полномочий идет речь и связаны ли соответствующие полномочия с вопросами местного значения. Эти вопросы надо обсуждать с практиками, со специалистами в сфере гражданского и арбитражного процессов.

— Как действующий ученый, как один из ведущих специалистов в сфере местного самоуправления, какие перспективные направления научной деятельности могли бы назвать? Над чем сами сейчас работаете?

— Спасибо большое за высокую оценку моей профессиональной деятельности. Мне кажется, что перспективные направления научной деятельности связаны со следующим. Во-первых, в последнее время по разным аспектам местного самоуправления стал проявляться междисциплинарный и межотраслевой характер. Требуются разработки, находящиеся на стыке разных отраслей знания — права, экономики, социологии, управления и т.п. В качестве иллюстрации можно привести территориальные основы местного самоуправления, о которых мы уже много говорили. В последнее время в федеральную повестку плотно вошел такой термин, как агломерация, однако мало кто из юристов его видит. Несколько лет назад мы выиграли грант РГНФ о правовом регулировании агломераций. Работая по проекту, мы с моими коллегами очень много читали работ управленцев, экономистов, урбанистов, экономгеографов; на начальном этапе было безумно сложно, но безумно интересно.

Можно привести и иной пример. События последних месяцев актуализировали вопросы, связанные с обеспечением безопасности в городе. А что такое безопасность? Традиционный криминологический подход уже недостаточен. Возникает эпидемиологическая, информационная и иные составляющие. Защита персональных данных, кибербезопасность — это техническая или юридическая составляющая?

Во-вторых, ряд традиционных юридических тем начинает наполняться принципиально новым содержанием. Например, непосредственное народовластие на муниципальном уровне. Казалось бы, тема уже описана вдоль и поперек, ну, что в ней может быть нового?! На самом деле может и есть много новых аспектов. Например, недавние протесты, связанные со строительством мусоросжигающих

заводов, высветили такую проблему, как необходимость выявления и учета мнения меньшинства. Дело в том, что с советских времен все наши действующие правовые инструменты ориентированы на выявление и учет мнения большинства; меньшинство ему подчиняется. А сейчас надо создавать новый инструментарий. Для этого необходимы и определенные теоретические разработки. Первыми, кстати, на эту проблематику откликнулись социологи. Проводя исследования преобразований общественных пространств, проводимых в рамках программы «Комфортная городская среда», социологи стали фиксировать, что мнение жителей города и мнение жителей, проживающих вблизи преобразуемых пространств, существенно расходятся.

Недавно Минстрой России разработал стандарт вовлечения граждан в городское развитие. Ознакомление с текстом показывает, что там есть очень много вопросов для юристов, причем не только в практической, но и в теоретической плоскости. Однако на данный документ юристы практически не обращают внимания.

В-третьих, материалы правоприменительной практики подкидывают большое количество новых и неожиданных вопросов, которые нуждаются в определенной теоретической проработке. С этой точки зрения мониторинг судебной практики, ее обобщение и анализ могут стать мощным источником для научного творчества.

Например, Конституционный суд, рассматривая обращение городского округа Сибай, разбирался в довольно интересной ситуации. Для жителей одного из населенных пунктов было гораздо удобнее и ближе водить детей в школу, расположенную на территории соседнего муниципального образования, чем в собственном административном центре. В этой связи возникает ряд вопросов: может ли одно муниципальное образование оказывать услуги на территории другого? Должно ли оно это делать? За счет какого бюджета оплачивать? Данное дело для меня в полный рост высветило многие механизмы межмуниципального сотрудничества, о котором так любят говорить в последнее время. Я могу привести массу подобных примеров.

В-четвертых, местное самоуправление формируется поступательно на протяжении уже нескольких десятилетий. И правовое регулирование формировалось поступательно, от

общего к частному. Ну, кому в 1993 или в 1995 г. могло прийти в голову, что потребуются разработка концепции муниципального контроля? Тогда говорили о самостоятельности местного самоуправления, о его организационных, территориальных основах, обсуждали иные вопросы институционализации местного самоуправления.

Сейчас в рамках реформы контрольно-надзорной деятельности мы столкнулись с тем, что никто никогда не разрабатывал концепцию муниципального контроля. Решая эту довольно интересную теоретическую задачу, имеющую существенное практическое значение, мы с моими коллегами в прошлом году даже подготовили целую книгу, в которой собрали представления о муниципальном контроле ведущих ученых и практиков. Было довольно большое количество обсуждений. Сейчас уже можно сказать, что нам концепция муниципального контроля понятна, основной круг проблем выявлен. Проблема реализации этой концепции связана с необходимостью ее имплементации в разных законах — законе о местном самоуправлении, о контрольно-надзорной деятельности, КоАПе, законе об обращениях, о персональных данных, гражданском законодательстве и т.п. Например, муниципальный жилищный контроль — это контроль собственника за собственностью? Или у этой контрольной деятельности есть публично-правовая составляющая? Очевидно, что реализация концепции муниципального контроля требует синхронизации разных законов. Поэтому на данном этапе для нас на повестку выходит вопрос продвижения или лоббирования имеющихся наработок. Должен ли этим заниматься ученый? Большой вопрос. Пока мы с моими коллегами-учеными, муниципальными контролерами пытаемся достучаться до федеральных политиков. Кто-то нас слышит и понимает быстро, кто-то нет. Приходится искать разные возможности.

В-пятых, есть ряд более глобальных процессов, которые касаются развития права и отражаются на муниципальном праве, которое является его частью. Речь идет о том, что в ряде случаев начинает стираться или смещаться грань между частным и публичным. Можно ли распространять правила бизнеса на публичную сферу? Например, территория Сколково, свободного порта «Владивосток», ТОРов и т.п. управляется управляющей компанией.

Управляющая компания — это конструкция, изобретенная для бизнеса. Насколько глубоко ее можно использовать в публично-правовой плоскости? Есть ли пределы?

Или другой пример. Цивилисты любят говорить, что собственность — это святое. В целом согласна. Но когда мы рассматриваем вопросы развития города, то обнаруживаем наличие конфликта: для строительства нового надо сносить старое (а ведь собственность — это святое). В последнее время участились дискуссии о том, должен ли город сохранять свой исторический облик или можно все сносить и строить новый город в ином стиле. Все это требует новых теоретических разработок.

— Вы давно и последовательно выступаете защитником местного самоуправления. Защищаете ли Вы муниципалов в судах?

— От предложений выступить в качестве представителя стороны в конкретном деле я всегда отказываюсь. На это есть несколько причин. Во-первых, в этом случае есть риск возникновения конфликта интересов у меня с работодателем, а у работодателя с учредителем. Во-вторых, я всегда себя считала больше ученым, преподавателем, т.е. теоретиком, чем практиком. Поэтому мне всегда было интереснее готовить экспертное заключение, чем выступать представителем стороны.

Но, отказываясь выступать в качестве представителя стороны, я не отказываюсь от защиты муниципалов в судах. Просто делаю это иначе. Например, мне неоднократно говорили, что мои статьи, в которых приводится обзор судебной практики по определенной категории дел, помогают выигрывать в судах. Юристы, работающие по конкретным делам, сами вытаскивают те позиции, которые им нужны, и используют уже их в своих документах. Кроме того, я периодически готовлю экспертные заключения. В этом случае стараюсь руководствоваться профессиональной интуицией и выбирать прецедентные, знаковые дела, имеющие сложную или неоднозначную правовую составляющую. Выступая в этом качестве, я неоднократно готовила заключения для Конституционного Суда РФ. Есть примеры того, что готовила экспертную позицию и для работы в суде общей юрисдикции. Одно из моих эмоционально затратных дел — работа по запросу Совета муници-

пальных образований Ульяновской области. Там, по мнению транспортной прокуратуры, органы местного самоуправления должны оказывать муниципальную услугу по выдаче разрешений на полеты. Меня эта ситуация сильно возмущала не только с юридической точки зрения, но и с точки зрения здравого смысла: где муниципалы и где полеты. В районном суде тогда удалось отбиться от прокуроров, но ситуацию в целом пока изменить не удалось — есть действующие нормы подзаконного акта. К сожалению, этот пример не является единичным. Поэтому в таких случаях стараюсь свою позицию делать максимально публичной.

У меня были примеры и того, что в ответ на «творчество» отдельных правоприменителей на местах приходилось использовать иные инструменты. Например, года три назад в одном из районов Красноярского края прокатилась волна возбуждения уголовных дел за неправильно оформленную премию главе муниципального образования. Чуть позже подобные события возникли и в Удмуртии. Тогда в качестве оказания помощи мы организовывали экспертную дискуссию с трансляцией по всем регионам. В качестве участников дискуссии приглашали не только ведущих ученых, но и должностных лиц, которые высказывали свою экспертную позицию. Опять получилось, что конкретную проблему мы разрешили, но системную нет. Поэтому продолжаем работать.

— Как Вы считаете, какое будущее у муниципального права, у местного самоуправления?

— Наличие муниципального права как комплексной отрасли российского права зависит от наличия реального местного самоуправления. Будучи оптимистом и романтиком, я уверена, что местное самоуправление есть и будет. Еще раз могу напомнить, что ст. 12 Конституции не отменена и действует. Лично я уверена, что государству нужно сильное местное самоуправление. Пандемия это в очередной раз подтвердила.

Спасибо за интерес к местному самоуправлению.

*С благодарностью за беседу,
коллектив редакции Издательской группы
«Юрист»*